

Евгений Чухманов
*История одного открытия.
История одного убийства.*

Остросюжетная криминальная повесть

Евгений Чухманов

**История одного открытия.
История одного убийства.
Остросюжетная
криминальная повесть**

«Издательские решения»

Чухманов Е.

История одного открытия. История одного убийства.
Остросюжетная криминальная повесть / Е. Чухманов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830283-1

Что может принести человеку открытие самого мощного взрывчатого вещества в мире? Окажется ли он знаменит? Или богат? Или же окажется за решеткой? Наверное, не более, чем просто открытие!.. Но к каким последствиям оно может привести, когда постоянно преследует прошлое, переполненное непростительными обидами и унижениями? Это была бы простая жизнь неприметного пятиклассника Сабринова Жени. Но однажды она очень сильно изменилась с приходом в класс «новенького»...

ISBN 978-5-44-830283-1

© Чухманов Е.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Знакомство	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**История одного открытия.
История одного убийства
Остросюжетная криминальная повесть**

Евгений Чухманов

Иллюстратор Евгений Чухманов

© Евгений Чухманов, 2019

© Евгений Чухманов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-0283-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Я Сабринов Евгений Андреевич и мне двадцать семь лет. Я признанный гений в области синтеза сверхмощных взрывчатых веществ. Не думал, что настанет день, когда мне придется взять в руки перо и чернила...

Я расскажу в своей книге гораздо меньше, чем бы мне хотелось. Но остальное пусть будет овеяно вашими сомнениями и упреками.

Долгое время мне не удавалось встречать хороших людей, поэтому пришлось приспособиться к такой жизни, подобно тому, как приспосабливается растение к резко меняющимся условиям окружающей среды, чтобы выжить. Теперь, через столько лет взглянув назад другими глазами, хочу сказать: «Лучше бы всего этого не было!».

Мне пришлось пройти через многочисленные унижения. Но путь к мечте всегда вымощен жертвами! И может быть, именно это сделало меня таким, какой я есть.

Да, теперь я знаю, как быстро может измениться мир! Как быстро могут смениться полюса и вершины! Но никогда не можешь быть уверенным в том, какой день окажется удачнее – сегодняшний или вчерашний! И ничто не ранит сильнее, чем постоянная слабая боль! И это, похоже, чувство вины. Но я ни в чем ни у кого не прошу прощения. Я так же не до конца разобрался с тем, что гложет меня изнутри!

Что же касается сегодняшнего дня – я хочу забыть о прошлом. Поэтому представляю вам эту историю. Историю без лишних подробностей, что счел недостойными находиться на представленных страницах. Прочтя ее, вы, возможно, меня осудите, возможно – нет.

Глава 1. Знакомство

Когда мне было шесть лет, отец взял меня с собой в деревню на велосипеде. Деревня смешно называлась Козлейкой. По пути был рынок, там он купил какие-то цилиндрики с ниточками. Когда мы отошли от прилавка, я спросил его:

– Что это?

– Узнаешь, – с хитрой улыбкой ответил он.

Все время, пока я сидел на велосипедной раме, а отец спешно крутил педали, мне не давало покоя мое незнание. Очень хотелось поскорее узнать истинную суть вещи, приобретенной на рынке.

На Козлейке папа взял спички и сказал:

– Пойдем, чего покажу!

Я пошел за ним. Во дворе он взял один из купленных цилиндров и поджег его за ниточку. Она с шипом и искрами быстро загорелась. Затем он отбросил цилиндрок в сторону. Раздался взрыв. От неожиданности я зажмурил глаза. Полетел серо-черный дым, который осаждался на рядом стоящих репейниках.

– Здорово! – воскликнул я, полный живого интереса и желания.

Затем мы взорвали оставшиеся петарды. Отец из соображений безопасности поджигал все сам, я был только зрителем. Но на то время и это для меня было слишком радостным событием!

До вечера я ползал по траве, где были взорваны петарды, собирая осколки от них. Это было детское любопытство, не знающее границ.

Через год я пришел в один магазин, который мы с братом Игорем называли «уголком», наверное, потому что он стоял на отшибе. У меня в кармане было тридцать три рублей мелочью. Я их долго копил и теперь думал, на что бы потратить. В течение получаса я разгуливал по магазину в надежде отыскать что-то интересное за такую цену. Когда я подошел к витрине с брелоками, увидел связку уже знакомых мне петард. В моих глазах вспыхнул огонь, страстный огонь желания приобрести их! Петарды стояли ровно тридцать рублей – каждая по рублю. Я полез в карман за деньгами. Продавец, увидев, наконец, мои оживленные движения, спросил:

– Ну что, выбрал?

– Сейчас, – промедлил я.

Пока я доставал из кармана все до копейки, в магазин вбежал чумазый пацан. Он быстро прильнул к витрине и сказал:

– Мне все вот эти петарды! – и указал на связку грязным дрожащим пальцем.

По всей видимости, мальчуган уже присмотрел их давно и бегал за деньгами. Со стороны это бы выглядело очень смешно, если бы я сказал, что мне тоже нужны эти петарды, которые только что ускользнули от меня в руках быстрого пацана-бандюга, потому что купил небольшой брелок в виде пистолета за двадцать шесть рублей. Он мне не был нужен, но, по крайней мере, это не выглядело столь смешным унижением, или проигрышем...

Когда я вышел из магазина, услышал хлопки тех самых петард за детским садом. Они были громки, как выстрелы из старого дедовского ружья. Я завидовал первый раз в жизни. Но чувство было крайне сильно!

В детстве, как все знают, очень трудно успокоиться от обиды. Я пошел по старой аллее в надежде обменять только что купленный брелок на несколько петард. Но пацан был очень шустрым, да к тому же он не умел растягивать удовольствие – все тридцать петард были взорваны к тому времени, как я его нашел.

Восьмой класс. Химия только началась, а я уже ее ненавижу.

Моя мать работала школьным учителем биологии и химии. Очень часто нам с братом приходилось бегать летом в школу, чтобы помочь ей с переездами из одного кабинета в другой. Мы перетаскивали разные книги, тетради, плакаты, посуду. Даже образцы животных в формалине; выглядели они ужасно, как монстры, что изредка пугали меня своим присутствием в свидениях. Много из того просто выкидывалось на свалку: и старые растворы солей, и грязные колбы, которые уже невозможно было отмыть никакими средствами, и вековые образцы семян, помещенных в маленькие пробирки...

Мы копались в этом хламе иногда неделями. В воздухе летала пыль. А за окном светило опалелое солнце, отчего в кабинете была просто парилка.

Перетаскивая то одно, то другое, мы, бывало, заходили и в кабинет директора. Там я на полке увидел старую толстую книгу по органической химии. Это была затасканная зеленая книга в переплете с формулой бензола, нарисованной под названием, – стандарта книг по органической химии. Я бегло полистал ее: незнакомые названия классов веществ вызвали во мне неестественное желание к познанию нового. Мелькали названия алкоголятов, нитросоединений, цинкорганики, пероксидов... Все было написано столь подробно, что мне казалось, будто бы прочитав одну только эту книгу, я узнаю химию на все сто процентов. Но из всего разнообразия описанных веществ меня интересовали только те, что самовоспламенялись на воздухе и обладали взрывчатыми свойствами. В книге в двух словах описывалось получение таких веществ. Я остановился на нитросоединениях, потому что случайно был наслышан о них от старшекласников. Для получения нитросоединений были необходимы концентрированные серная и азотная кислоты, или соли азотной кислоты – нитраты.

Посреди очередного хлама я нашел запылившуюся коробку с образцами удобрений, из которых интерес для меня представляли только натриевая, кальциевая и аммиачная селитры. Их было в банках где-то по сто граммов.

Как и все, что мне было нужно, я отнес книгу и удобрения к школьной свалке, чтобы никто из посторонних не проявил к ним интереса. Там припрятал их в сосновой посадке под кустом бересклета. Позже в то же место я принес и образцы нефтяных фракций, также найденных мной в кабинете химии. Завалил сверху мхом, чтобы никто не смог заметить пропажи, и хотя там редко кто проходил, я все же боялся потерять свои драгоценные находки.

Так начались мои первые серьезные опыты. И начались они с натриевой селитры.

Несколько кристаллов этого вещества я помещал на деревянную подставку. Из-за своей сильной гигроскопичности кристаллы становились влажными, почему расплывались на воздухе. Помню, как я тратил по целому коробку спичек в надежде разжечь соль азотной кислоты. Сначала селитра плавилась, затем начинала пениться, и только потом с шипом и треском из капли расплавленных кристаллов вырастал огнедышащий шар, в котором то и дело пробегал ярко-красный огонь. Иногда из него вырывались острые языки желтого пламени. При этом воздух насыщался специфическим запахом. Впоследствии я так и называл его – запах горелой натриевой селитры! Из расплавленного королька летело много серого дыма от сгоревшего дерева подставки. После реакции в дереве оставалась глубокая выжженная яма. Опыт пользовался популярностью среди моих сверстников, и вскоре я лишился почти всего количества бесценного на то время реактива...

Подобные опыты я пытался проделать и с аммиачной, и с кальциевой селитрой, но они не разгорались даже после того, как я тратил на них и по три коробка спичек!

В то время мне попался в руки небольшой справочник по химии, где было написано следующее: «Натрия нитрат (натриевая селитра) поддерживает горение, в смесях с горючими органическими веществами взрывает». Я стал делать смеси селитры с сахаром, древесной мукой, мочевиной, лимонной и аскорбиновой кислотами – словом, со всем, что попадалось под руку. Даже тратил по целому дню на то, чтобы сточить в порошок напильником ржавые гвозди и сделать смесь селитры с железом и железной окалиной, попадающей в смесь в виде

примеси. Только что приготовленные смеси охотно загорались. Горели – иногда тихо и медленно, иногда с шипом и быстро, иногда с треском и разбрызгиванием, иногда с выделением большого количества ярких светящихся искр... Я даже однажды чуть не лишился глаза, когда из переливающегося яркими цветами раскаленных металлов вулкана в мою сторону вылетела трассирующая капля!

Но все это были игрушки в руках безропотного, ненасытного и пока ничего не понимающего мальчугана...

Однажды мы с Игорем вышли из дома и прислушались. Тишину нарушали некие громкие хлопки, как выстрелы из ружья. И вроде бы так близко, но мы никак не могли понять сперва, откуда доносился звук.

Потом я увидел пляшущее пламя костра через щели между досками забора. Это было на огороде.

Мы стремглав побежали туда и обнаружили соседа, который сжигал старый хлам. Пламя было горячим, жар от огня был сильным, поэтому сосед стоял метрах в двух от кострища. Высокий и грузный, он подкидывал в огонь ампулы от лекарств. В обычном пламени они взрывались довольно быстро и неинтересно. Даже скучно.

Но зато когда костер догорал и оставался горячий пепел, начиналось самое интересное шоу.

Сосед медленно подходил к костру, распаковывал очередную пачку и начинал вальяжно сажать стеклянные луковицы в зольный песок. Проходило десять минут, после чего обычно следовал взрыв ампулы, и с этим устремлялся ввысь клуб золы и сажи. Это напоминало густой дым от настоящих бомб. Но что надо ребенку!

Мы с братом обычно садились на бортик деревянного парника и лицезрели приятную процедуру. Иногда к соседу приходил его родной брат, который тоже был не против побаловать себя вполне детскими развлечениями. И в эти моменты они дружно переглядывались и кивали головами в нашу сторону, мол, смотри, сидят, наблюдают... Дальше был смех или улыбки до ушей.

Недовольна была одна лишь мать – она потом ползала по огороду и собирала стекло от разорвавшихся ампул: наши огороды были совсем рядом.

В период с восьмого по десятый классы мой двоюродный брат Дмитрий часто приходил к нам. Мы жили в двадцати минутах ходьбы друг от друга. Но была еще одна дорога через небольшой лес – дорога напрямую. Если выбрать ее, то можно было добраться вдвое быстрее. К тому же, в лесу редко кто-либо встречался, а дорогу в лес от населенных домов перегораживал широкий грязный ручей.

Через лес можно было выйти на старый полуразрушенный крахмальный завод. На его месте была куча поломанной техники и много белого и красного кирпича, который время от времени растаскивали местные мародеры. Между блоками завода уже были густые непролазные заросли крапивы и борщевика. Последний оккупировал почти всю территорию. За пределами заводской площади располагалось множество гниющих водоемов, которые покрывали изумрудно зеленые болотные травы. Здесь мы нашли место с возвышением над всей этой зеленоющей живностью. Оно идеально подходило нам для экспериментов, и мы использовали его в дальнейшем как полигон. С одной стороны нашего полигона была белая стена. Это был наш блиндаж. К тому же, вокруг располагалась густая поросль ивняка – настолько густая, что через нее едва можно было заметить огонь от костра.

Однажды я, в очередной раз гуляя по развалинам, нашел много использованных баллонов монтажной пены с говорящим названием «Ultra Barton». Я живо прочел состав. После текста на английском языке следовал знак пожарной опасности и активное вещество – 4,4» -дифенилметандиизоцианат. Я, как вор, сразу же припрятал все баллоны в укромное место. Тогда

я свято верил в то, что в баллонах действительно находился в чистом виде цианат, который надеялся использовать для дальнейших реакций. Но этому не суждено было случиться.

Ни для кого не секрет, что в детстве все мальчишки хотя бы раз, но бросали использованные аэрозольные баллоны в костер. Мы же занимались этим даже в школе на занятиях по труду. Забавно, но даже сам трудовик диктовал условия!

В один из теплых дней лета Диман пришел к нам и позвал меня на улицу:

– Смотри, у него срок годности истек!

Он вертел в руках полный баллон освежителя воздуха.

Я взял баллон, взвесил его и посмеялся – баллон был действительно цел!

На крахмальном заводе мы развели небольшой костер из сухой крапивы – эта трава разгоралась и грела лучше, чем любой другой сушняк. Мы взрывали пустые баллоны всяких освежителей, лаков, антистатиков... Полный баллон оставили на закуску.

Я собрал большую охапку сухой крапивы, в качестве легкой розжиги Диман добавил к топливу клочок мертвой прошлогодней травы. Баллон поместили внутрь, чтобы он прогревался как можно равномернее. Диман зажег хворост. Маленький огонек постепенно разрастался и поедал нашу сухую пирамиду.

Мы быстро спрятались за белой кирпичной стеной. Диман смотрел на костер, а я сидел, несильно зажав оба уха, чтобы как можно меньше исказить реальный звук взрыва, но все-таки побаивался возможного оглушительного грохота.

Когда нагревается баллон, внутри растет давление, и на его тонкой металлической поверхности появляются вспучивания. Это сопровождается характерным звуком. Когда мы слышали этот звук, мы понимали, что баллон вот-вот рванет, и радость сама по себе наполняла наши еще глупые детские тела.

Через несколько минут баллон затрещал. Раздался мощный взрыв. Я резко выглянул из-за стены: большой огненный шар горящего газа, как новое Солнце, закручиваясь, поднимался ввысь. Он долетел до ольхи, стоящей возле костра, и поджег ее низкие ветви. От загоревшегося дерева пошел треск. Нам повезло, что оно зеленело. В противном случае пожар бы мы себе обеспечили! От бывшего костра в разные стороны разлетелись горящие остатки крапивы, которые мы стали спешно тушить ногами. Запахло горелой кожей.

Площадка задымилась от недостатка кислорода и тепла для остановленной нами реакции. Мы же пропахли дымом – немного приятным на мой взгляд.

– Ну что, пошумели, Диман? – сказал я, испуганный от последствий.

– Да, Женек, нехорошо получилось!

– Хорошо, что дерево затухло.

– Тихо! Кто-то идет! – Диман присел, как неумелый солдат на войне, указал на направление громких шагов.

Немного помешкав, мы побежали прятаться.

Шаги остановились, и на мгновение воцарилась тишина. Потом раздался знакомый голос:

– Эй, вы чего натворили?! Из огорода огонь было видно! Еще осколки возле макушек деревьев летали! – в больших сапогах по тропе спустился Игорь.

Мы рассмеялись и рассказали ему про баллон.

– А чего меня не позвали? – недовольно возмутился Игорь.

– Мы подумали, что тебе будет не интересно, – ответил я.

– Ага! Думаете, мне интереснее лазить по огороду одному, когда вы тут взрываете!..

Так мы втянули в наш круг третьего участника.

Однажды, когда взрывать аэрозольные баллончики стало слишком скучно и обыденно, Диман сказал:

– Вот бы чего-нибудь покрупнее!

Руками он сотворил определенный жест, а взгляд, как взгляд Циолковского, с жадностью к новому и надеждой был устремлен в небо.

– Да... – мы с Игорем поддержали его.

И тут я вспомнил про давно припрятанные баллоны монтажной пены.

– Пойдемте! – сообщил братьям и пустился бегом к тайнику.

Я показал свой арсенал – баллонов было двенадцать.

– Только я их припрятал для экспериментов, а не для шалостей! – сообщил братьям, немного испуганный тем, что арсенал боеприпасов теперь разорят.

– Ничего, мы только один попробуем и все! – заволновался Диман.

– Ну ладно!.. Но только один! – согласился я.

Мы набрали травы, закопали в нее баллон и подожгли. В общем, все, как и раньше, но на этот раз хотелось смотреть всем. Мы отошли на расстояние шестидесяти-семидесяти метров от разгорающегося костра и стали наблюдать из кустов – на всякий случай, чтобы быть уверенными в том, что осколки не долетят до нас.

– Эх, сейчас рванет!.. – восторгался Дмитрий, потирая грязные от травы и песчаной земли руки.

Когда костер почти затух, и пошла одна лишь копоть, раздался оглушительный бабах. Видно было, как разлетелись куски баллона. На месте разрыва поднимался ядовитый зольный серый гриб. Белый дым стелился по нежно-зеленым листьям у земли, накрывая их, как снежная лавина, спускающаяся с гор. Зрелище было и впрямь завораживающим!

Мы побежали к месту взрыва. Приятный на запах токсичный газ постепенно уносился ветром. Он полз по земле даже ниже нашего полигона. Интуитивно мы понимали, что это далеко не безвредная штука.

Естественно, такой взрыв всем понравился. По дороге домой об этом только и говорили. Уговаривали меня взорвать оставшиеся баллоны. Помню – я недолго сопротивлялся. Мне самому хотелось еще раз взорвать «Ultra Barton». И поскорее...

Как-то летом, в самый разгар пекла, мы с Игорем тихо бродили по окраине небольшого леса. Длинные тонкие сосны качались под действием суховея. Кажется, все вокруг корчило от жары...

Мы шли с купания, но уже обсохли, так что десять минут водного наслаждения не удовлетворили нас. По пути с озера была река. По обыкновению, она всегда была холодной, потому что на дне в изобилии рождались ключи – один за другим. Там, где вода реки темнела, как болотная, мы решили понырять. Берег и дно в этом месте всегда были песчаными...

Игорь нырнул первым, следом пошел я. Он достал со дна мокрую грязную ракушку беззубки, которая тут же захлопнула створки.

– Закрылась! – удивленно сказал Игорь.

Я протер глаза от непрозрачной воды, посмотрел на него и молча пожал плечами.

– Лови! – сказал он и лягушкой запустил беззубку по поверхности воды.

Ракушка прилетела мне в лоб, и хотя всего лишь коснулась его, было весьма болезненно. Затем она отлетела на берег в заросли длинной темно-зеленой травы, и мы услышали металлический звон. Я через толщу воды пошел посмотреть, обо что же она ударилась.

Раздвинув сочную траву руками, увидел перед собой много баллонов отработанной монтажной пены:

– Ну и свалочка!

– Что там? – живо поинтересовался Игорь.

– Сам посмотри! – сказал я, держа руки у себя на поясе.

Брат быстро подбежал ко мне, охваченный любопытством.

– Ого!.. – воскликнул он при виде зарядов.

– Бабахнем?

– Это сейчас что ли, в такую-то жару?

– Нет! Завтра поутру! Еще по росе!

Игорь слегка улыбнулся:

– Давай Диману скажем!

– Без проблем!

Вечером Игорь сказал Диману, что мы откопали волшебный тайник с баллонами пены. Тот, не мешкая, согласился прийти утром...

На рассвете холодная роса искупала траву. Я шел позади братьев, почему-то хотелось спать, и время от времени протирал свои сонные глаза. Мы дошли до сосновой посадки. Там была сделана еще год назад естественная полоса для защиты от пожаров, хотя теперь она медленно зарастала мелкой частой травой, которая тоже могла стать переносчиком огня. Мы это знали, поэтому нашли место, где был сплошной мокрый от росы песок.

Рядом лежали кучи сухих сосновых веток с желтой и оранжево-коричневой хвоей. Их решено было использовать для розжига. Предполагалось для каждого бабаха разводить некое подобие костерка, чем мы и занялись...

Первый баллон взорвался с таким сильным грохотом, будто в чьем-то доме подорвался газ! Гул быстро obeжал окрестности и ушел вдаль – туда, куда устремлялась сосновая роща.

Нам, еще не повзрослевшим мальчишкам, было весело, как никогда!

На то любопытное и рискованное время, осмысленное детской простотой и неумением, нам вполне хватало и этого. Мы жгли костры, смотрели, как рвется металл очередного баллона, как его разносит на мелкие осколки, как разлетается костер, и как большим клубом поднимается вверх дымный пузырь в толще воздуха...

В том тайнике баллонов было несметное количество. Но, что удивительно, мы хотели покончить с ними со всеми! Это называется, дорвались!..

Когда рванул предпоследний баллон излюбленной монтажниками пены, мы услышали чей-то свист вдалеке. Кажется, он был адресован нам. Не успев разжечь последний костер, я схватил последний баллон и побежал вместе с ним к парням, ожидающим меня в яме.

– Ты чего? – синхронно удивились они.

– Там кто-то пришел!

Мы дали деру.

– А я думал, это ты свистел... нам с Игорем! – пока бежали, обратился ко мне Диман.

– Ты же знаешь, я не умею свистеть!

– Ах да, точно! – разочаровался он.

– Давай к озеру! – скомандовал я.

Все послушались.

Около часа мы бегали по лесу в надежде вылезти к дому. Нахватали на себя репейников и собачек. Под легкой затасканной курткой я держал единственный баллон, который так и проносил весь путь.

Возле дома спрятал его в трубе, которая много лет лежала возле гаража. Изначально планировалось ее пустить на дымоход.

У дверей нас встретил отец:

– Ну, и где пропадали, господа?

– На речку ходили! – бойко сказал Игорь.

– Не ври! – я ее всю обошел! – отец выглядел немного расстроенным.

– Да дурью маялись! – отвлеченно сказал я и посмотрел в сторону.

– Дурью?.. Ну, сейчас я вам дело найду!

Медленно тянулись дни. Но мне хотелось, чтобы они тянулись еще медленнее! Моя ненасытная тяга ко всему, что горит и взрывается, была подспорьем этому...

Однажды двоюродная сестра Ольга пришла к нам погостить. Забыл сказать, она была родной сестрой Дмитрия. Сам он в то время был чем-то сильно занят, потому не составил ей компанию.

На улице стояла небывалая жара, по полям с мелкой дрожашей травкой проносились оголтелые свирепые суховеи. Некоторые порывы довольно легко могли сбить меня с пути.

Выйдя на улицу из еще более жаркого и душного дома, Ольга хитрым голосом сообщила:

– Мне тут Димка сказал, что вы пену взрывали!..

Я от неожиданности посмотрел на нее:

– Взрывали... Только это уже давно было.

– А еще он сказал мне, что у вас остался один баллон!

Мы с Игорем молча переглянулись.

– Оля, сейчас не время – на улице слишком жарко!

– Ну, пожалуйста! – вдруг испуганно запричитала она.

Надо признать, мне самому хотелось таким образом избавиться от надоевшего баллона, про который почему-то все спрашивают! Но я побаивался. И как же много причин на это было тогда!..

Мы пошли к реке – туда, где росли дикие грушовки. Они уже давали свои плоды, хотя еще сильно вяжущие и кислые... С таким предлогом прогуляться никто бы ни в чем не заподозрил нас! Ольга взяла небольшое красное ведерко, а я незаметно взял спички и возле дома – баллон. Игорь пошел с нами.

У речки приятная тень от высокой ивы ложилась на берег. Словно серебро, светилась вода при свете солнца. Она искрилась, переливалась, слепила глаза. Пока Игорь и Оля прохаживались по краю реки, я искал место для взрыва.

Ничего лучше, чем старый курган возле сосновой посадки, найти не удалось. Курган от леса отделяла небольшая дорога, по которой изредка проезжали машины на купальню. Вдоль же дороги росла трава – местами сухая и горькая, местами зеленая и сочная...

Мы собрали небольшой костерок. Внутри я аккуратно положил баллон монтажной пены. Затем запалил хвою и побежал вниз к брату и сестре.

В ту нещадную сушь, которая воцарилась в этом уголке России, сухая хвоя с треском начала разгораться. Моментально костер вырос до внушительных размеров, так что поначалу я даже испугался. Огонь ярко-красного цвета плясал при порывах ветра, как будто хотел обрести ноги, встать и побежать по земле, продолжая поедать все горючее! Баллон накалился, стали слышны потрескивания раскаленного металла, и вдруг раздался небывалой красоты взрыв! Баллон разорвался на три больших осколка, каждый из которых парил в воздухе, увлекая за собой частицы горячей на ветру пены. За осколками оставался яркий след густого белого дыма. О, это было феерично! Если не сказать больше!..

Ольга захлопала в ладони, а во мне закралось странное чувство. И чувство то граничило с настоящим страхом!

Три точки постепенно разрастались по окружности.

– Надо потушить! – сказал я Игорю.

Мы побежали к огню. И вдруг, откуда ни возьмись, налетел мощнейший порыв ветра. Он словно хотел обогнать нас! Пламя устремилось по его направлению – в сторону посадки. Мы услышали гуд от огня, как будто в огромной печке открыли тягу! Огонь разрастался молниеносно, он совсем не церемонился с нами! Мы разделись почти догола, и стали тушить его своими одеждами. Но сколько бы ни старались, не могли усмирить бессердечного зверя. Ольга ходила рядом и читала молитвы, Игорь молчал, как и я. Но вскоре, когда огонь дошел до сосновой посадки, меня охватила настоящая паника, и я, как это часто бывает в подобных ситуациях, выругался громким матерным словом!

Ветер не стихал, в одну сторону относительно проселочной дороги огонь не пошел, потому что ветер дул в противоположном направлении. А вот в другом – прекрасно скользил, как по поверхности разлитого бензина!..

К счастью, на его пути был небольшой оазис высокой зеленой травы, в котором нам с Игорем и удалось усмирить огонь. Если бы направление ветра было бы чуть-чуть иным, ничто не спасло бы нас от поджога.

Возвращаясь домой с яблоками, которые мы набрали трясушимися от прошедшего страха руками, голые и пропахшие дымом, мы думали, о чем будем говорить... Я знал, что про возможный пожар даже заикаться не стоит, иначе... Впрочем, вы сами все знаете.

Когда мы взорвали последний баллон, он прогремел очень громко. Столь громко, что дома мне досталось от родителей. Они даже просили с меня обещание больше никогда в жизни не взрывать, но желание было сильнее всяких упреков. Сколько волка ни корми – он все равно в лес смотрит!

Прогоревшую до дыр одежду мы с Игорем тайком припрятали от родителей. К счастью, вещей дома хватало, поэтому пропажу никто не заметил. И во мне уже, было, поселилась мысль не предаваться вновь простым мальчишеским забавам. Глупости поубавилось...

Правда, после этого на долгое время я увлекся серьезной химией – химией настоящих взрывчатых веществ!

Летели дни, связанные с моей ненасытной потребностью изобрести наимоощнейшее взрывчатое вещество. Тихо подходило лето к концу.

Тот день я запомнил как один из самых неудачных дней в моей памяти. Это было на Козлейке. Мы с Диманом и сестрой Мариной пошли купаться на карьер. Мы шли по тропке, увенчанной пожухлой травой. Дорога лежала через поле с дикими яблонями. Мы пробовали разные. Под одной яблоней я нашел заросшую кучу старого хлама. Здесь же увидел и баллоны давно знакомой и давно забытой монтажной пены...

Первый баллон, к сожалению, не взорвался. Он вылетел из костра и, как ракета, стал накручивать круги в воздухе. Пируэты, которых все боялись! Это было шоу. Захватывающее шоу. Мы же сидели за бугром, опасаясь, что ошалелый баллон прилетит кому-то из нас в лоб! Пена, как оказалось, была выброшена недавно. При взрыве одного из баллонов по большому периметру разлетелись осколки с горящей жидкой пеной. Они подожгли поле. В жару, которая царствовала в то время, трава начала с огромной скоростью разгораться по кругу. Мы, словно черти, суетились в дыму от горящей травы, смешанным с едким дымом от взорванной монтажной пены. Дым ел глаза и затруднял дыхание. Хотя нам повезло и в этот раз – ветра практически не было, тушили мы долго. После пожара мы несколько часов кряхтели от дыма и полоскали глотку – нам казалось, что там что-то мешает глотать...

Пока мы шли домой, Диману вдруг резко стало плохо. Он жаловался на сильную боль в животе и слабость. С каждой минутой пути ему становилось все хуже и хуже.

Дома он вообще лег на кровать и долго стонал, держась за живот. То и дело он зажимал глаза от сильной боли, сковывающей его тело. Перекатывался с бока на бок, его знобило. Мы думали, что он сильно отравился.

Приехала скорая. Дмитрия забрали с подозрением на аппендицит. А я с Мариной упрямо молчали о случившемся.

Позже выяснилось, что это было сильное обострение гастрита. Дмитрий рассказал в больнице о наших проделках. И тогда все родственники поверили в то, что виной всему была монтажная пена. А вернее, ее едкий дым от разложившегося изоцианата. Может быть, они все правы. Мне не знать, что послужило началом. Но в таком случае, мне приходится мириться с тем, что виноват в этом я, и я же принял основной удар на себя как зачинщик недоброго дела!..

Ацетиленид меди. Так называлось то вещество, которое я так сильно хотел получить и проверить на взрывчатые свойства. В справочнике говорилось об очень высокой чувствительности этого коричнево-черного порошка.

Синтез я продумал от и до. Руководство прочел в одной не очень большой книжке – сборнике лабораторных по неорганической химии.

Утро было на удивление приятным. Туманное солнце просилось в окно, небо ясное, как никогда. Еще в желто-золотом отсвете солнечных друз таилась лень. День только обещал проснуться. Даже пением птицы редко нарушали тишину. Густая пелена тумана постепенно рассеивалась, и с этим в простор входили янтарные лучи большого светила.

Я вскочил с постели в шесть часов и сразу же принялся за дело. Собрал установку, которая состояла из двух колб и газоотводной трубки. В первой колбе находился медно-аммиачный раствор, который я получил накануне, во второй – вода.

Когда я забросил немного карбида в воду, закрыл колбу и присоединил газоотводную трубку, полетел газ ацетилен. Он направлялся в колбу с ярко-синим медно-аммиачным раствором, где спокойно постепенно уменьшающимся пузырем проходил через него. Я присмотрелся и увидел, как в колбе-приемнике стало скапливаться некоторое количество черного осадка. Карбид был старым и уже большей частью испорченным, но все же годился для пробы. К тому же, сварщики, которые изредка появлялись в нашем доме, немного его оставляли. Как правило, карбида хватало на раз.

Синтез шел около часа. Когда первая колба покрылась грязным налетом гашеной извести, я открыл сосуд. Ацетиленида меди выпало достаточно.

Приготовив воронку для фильтрации, я принялся извлекать осадок из раствора.

Еще час был потрачен, и осадок перенесен на сухую сосновую доску – под солнышко.

Летнее солнце калило нещадно. Особенно в обеденное время. Дома были все. Окна настежь открыты. Сидя за столом, мы услышали взрыв. Родители встрепнулись, хотя знали, чьих рук дело это могло бы быть. Правда, и соседи иногда не прочь были похлопать петардами, поэтому круг подозреваемых значительно расширился. Я почему-то именно так и подумал в тот момент.

Выйдя из-за стола, направился на улицу, чтобы проверить сохнувший осадок. О, как же я был удивлен, когда увидел вместо коричнево-черного порошка золу, разлетевшуюся по поверхности доски! Рядом нашел разнесенные ветром клочки фильтровальной бумажки, на которой до взрыва сушился долгожданный ацетиленид.

Помню, я тогда впервые обиделся на злой рок судьбы, тихо присел на землю и заплакал...

Должен признать, я редко получал нитросоединения, чаще экспериментировал с пероксидами. В моем случае перекись водорода, необходимую для синтеза, достать было проще, чем концентрированную азотную кислоту, хотя обходилось это намного дороже.

Я уже учился в университете. За его стенами тайком варил взрывчатку.

В лаборатории я доставал необходимые реактивы, перекись приходилось покупать. На первом курсе мое любопытство остановилось на органических пероксидах.

В любом деле важна неспешность – все нужно отмерить семь раз. Я же не знал способов обсчета получаемой мной взрывчатки, поэтому не догадывался о последствиях ее взрыва, – мощность мог определить лишь визуально, по механическим разрушениям. Я шел наугад.

Долго экспериментировал с непредельным замещенным кетоном, который называл F. Его синтез занимал около недели.

После того, как я синтезировал пятьсот миллилитров F, начал получать перекись. Установка была проста – круглодонная колба на три литра, перемешивающее устройство, капельная воронка, охлаждающая баня и термометр для контроля температуры. Собрал установку у себя дома в поселке. Я пользовался портативным источником электрического питания, чтобы не подключаться к домашним розеткам и проводить синтез вдали от людей.

День был нежаркий. Место для синтеза я выбрал у реки под кронами деревьев, чтобы изредка проблескивающее из-за облаков солнце не проникало в колбу. Это был высокий берег реки. Сплошь была глина, и было довольно скользко.

Я включил установку. Мешалка медленно заработала. Температура в колбе установилась на уровне -17°C . В качестве охлаждающей бани я использовал смесь хлорида натрия и снега, который спешно намораживал в холодильнике за день до синтеза. Я начал потихоньку прикапывать пероксид водорода к смеси F и концентрированной серной кислоты. Я помнил, что с перекисями температуру необходимо держать на уровне не выше -5°C . В противном случае может произойти авторазогрев реакционной массы, и можно будет готовиться к чему угодно. Даже к полету на Марс!..

Вначале синтез шел спокойно. Я поддерживал температуру смеси на уровне -10°C . Спустя два часа синтеза, когда была добавлена уже половина пероксида водорода, в колбе в большом количестве на дне собиралась взрывчатая перекись – производное F.

В бане я часто менял смесь на новые порции снега – они хранились в термосах, которые для большей уверенности держал под водой реки.

Пошла вторая половина синтеза. Я утомился и стал добавлять новые порции пероксида водорода более спешно, чем предыдущие. Температура установилась на уровне -7°C . Спустя следующие полчаса, в колбе образовалось около одного литра перекиси F. Вещество было загрязнено исходным F и оттого выглядело ярко-красным. Такие большие количества взрывчатки мне еще никогда не удавалось получить за один синтез!

Когда я пошел доставать термос из воды, неаккуратно прошелся по краю реки. Под ногами тут же стало скользко. Прибавляя очередную порцию пероксида водорода, я поскользнулся на глине. От резкого и неловкого движения выдернул кран из капельной воронки и кубарем покатился вниз. Пока я, кувыркаясь, скатывался к реке, заметил, что моя установка сильно задымилась. Вскоре мое нерасторопное тело оказалось в реке. Шумящие струи воды быстро начали заполнять поры сухой одежды. Я заметил, как поднимались из нее вверх пузыри воздуха. Потом услышал мощнейший взрыв. По воде прошла ударная волна, я почувствовал ее огромную силу. В воду полетели комья земли, как град...

Я вылез на берег. Резко заболела голова, в ушах стоял непонятный звук – кроме него ничего не было слышно, хотя видно было, как ритмично качаются ветви деревьев под действием ветра. На месте моего трехчасового синтеза дымилась глубокая воронка. От установки не осталось и следа. Большая часть берега обрушилась в воду вместе со мной. У меня даже не было времени испугаться. Деревья потонули во мраке серого дыма. Он прошелся над поверхностью речной глади и растворился в воздухе, как призрак, унесший с собой доказательства опасного синтеза...

Однажды осенним холодным днем мы с Игорем вышли во двор. Теплая телогрейка на мне немного стесняла дыхание. Игорь отошел за коляской – мы собирались вывезти некоторый прошлогодний хлам из дома. Так, еще были некоторые небольшие дела, в основном, связанные с перекладыванием вещей с одного места на другое...

В смуглом воздухе стоял запах коптящих дров – сосед жег буржуйку, приспособленную у него для приготовления кормов скоту. Топил он ее почти всегда чем попало. Игорь решил передохнуть от многочисленной рутинной работы и отлучился всего на несколько минут. Я же, увлеченный тем, что случайно откопал посреди хлама забытый когда-то свой тайник с реактивами, загадочно и внимательно рассматривал практически полностью стершиеся со временем записи на склянках черного и зеленого цветов...

Как оказалось, это были реактивы из школы и университета, некоторые Пашкины препараты. В изобилии одна только серная кислота, разбавленная до шестидесяти процентов. Тут же

откопал ароматные кетоны. Я помнил, что они тоже легко образуют взрывчатые перекиси. При чем, реакция проходит моментально – за пять-десять минут!

Пока не было Игоря, я смешал самый легкий из имеющихся кетонов с разбавленной серной кислотой. Затем добавил туда кристаллическую перекись водорода. Она сразу растворилась, и смесь стала однородной. Внешне реакционная масса стала похожа на мутную горилку. Я встряхнул ее несколько раз из интереса, но ничего не изменилось.

Прождал еще пятнадцать минут...

По истечении времени заглянул в колбу и увидел два слоя. Я вылил реакционную массу в двухлитровый стакан с холодной водой. На дно тут же выпали небольшие капли, собравшиеся в единую сплошную массу. Несомненно, это была желанная перекись!

Меня испепеляло желание проверить ее на горение. Нашел поблизости на земле лучину и промокнул ее расщепившийся конец только что полученным пероксидом. Вытащил из сосуда, осторожно положил на доску в дровянике так, чтобы мог без труда поджечь спичкой. Тем временем, я услышал, как по лестнице громко сбегал Игорь. Стараясь не отвлекаться, запалил спичку, она с шипом загорелась. Затем неосторожно поднес пламя к лучине. Раздался, как мне показалось, мощный взрыв, по руке больно ударило, как плеткой, и я схватился за пальцы. Лучина улетела куда-то в неизвестном направлении. Рядом я нашел несколько длинных нитевидных щепок, отколовшихся от ее основного тела.

– Что произошло? – испуганно спросил Игорь, быстро подбежав к месту происшествия.

– Я новую перекись испытал! – удивленно на него посмотрел.

– Сколько же ты шархнул? Тут грохот такой!.. Все, наверное, слышали!

– Да тут всего капли!

– Капли?.. – не поверил моим словам Игорь, – А мне покажешь?

Я улыбнулся:

– Чуть позже, когда основную работу закончим!

– Ладно! – согласился брат.

Когда уборка была закончена, мы с неистовым желанием испробовать новое взрывчатое вещество побежали к дровянику. Там на стене вот уже несколько лет висела изодранная банная мочалка, из которой виднелся старый дряхлый поролон желтого цвета. Я отщипнул немного:

– Сейчас его вместо губки используем!

В желто-зеленой листве яблонь, приготовившихся к зиме, мы положили кусок поролона, обмотав его предварительно легкой сухой бумагой. Я зажег ее с одного конца и быстро побежал к Игорю. Огонек медленно разрастался и подходил к поролону. Вдруг – ярчайшая вспышка и мощный взрыв! Клуб огня поднялся в воздух и растворился. По окрестностям прогулялось эхо.

Я решил не тратить драгоценный реактив на мелкие шалости, а запланировал подорвать все оставшееся количество разом. Игорь тоже согласился...

Вечером на озере при свете фонарика опять чудили двое...

Я осторожно перелил перекись в пластмассовый стаканчик, перекись толстым слоем вывалилась на дно. В нее погрузил маленький детонатор – размером со спичку. Подсоединил длинные провода и начал спешно отходить от места возможного взрыва.

Когда я дошел до Игоря, который дожидался меня, сидя за обрывом берега, подсоединил концы проводов к подрывной машинке.

– Ну что, подрываю? – на всякий случай поинтересовался.

– Давай! – махнул рукой Игорь и закрыл уши.

Я нажал на кнопку, тут же раздался громкий взрыв. Огромный огненный шар осветил всю округу, поднялся клубом в серый туманный воздух. Затем мы почувствовали едкий запах распыленных серной кислоты и пероксида водорода.

– Не дыхай! – сказал Игорю.

Он заслонил рот свитером, и мы оба побежали от белого густого аэрозольного облака...

Когда дым рассеялся окончательно, я подошел к месту взрыва. Большой воронки там не было. Взрывчатка хоть и оказалась очень громкой, но была слабой, как ни крути! Однако, проводам не поздоровилось. Да и осколков от стакана я не нашел...

Меня не пугали мои неудачи. Они только разжигали азарт. Наверное, про таких, как я, говорят, мол, жизнь его ничему не учит. И сам слышал это не раз из уст моих друзей. Но что я знаю о том, что приготовила для меня судьба? Я хотел решить поставленную задачу любой ценой. Но не самой большой!..

Начинался март 2003 года. Я учился на втором курсе. На улице установилась теплая погода. Снег стал равномерно и быстро таять. Вскоре остались лишь его небольшие количества. Земля стремительно прогревалась под лучами солнца.

В то время я довольно часто приезжал домой.

Возле дома бегала куча разноцветных игривых котят. Из них выделялся один – самый любопытный и смелый. Однажды я назвал его Шаббликом, его так и прозвали. Он был самый пушистый из всех.

Очередной эксперимент я решил поставить во дворе. Количество вещества, синтезированного мной в университете, было небольшим – около десяти граммов. Но вещество по мощности стояло рядом с октогеном. По крайней мере, так было написано в руководстве по его синтезу, которым я охотно пользовался. Синтез был несложным, но долгим.

Дома у себя сделал детонатор и соединил его с огнепроводным шнуром. Детонатор соединил с полученной взрывчаткой, которую поместил в старый корпус от фейерверка. Корпус переливался на свету всеми цветами радуги.

Опыт я проводил не один – позвал с собой Игоря. Тот взял камеру для съемки.

Во дворе мы нашли место на проталине – возле молодой яблони, на которой стали набухать почки. Я воткнул фейерверк в мягкую землю и поджег фитиль. Фитиль заискрился с характерным шумом.

И наконец, произошло то, чего мы вообще не могли представить. Громкое шипение фитиля и вылетающие из него искры, катящиеся по талой земле, вызвали интерес у котенка. Шаблик выбежал откуда-то из-под забора и побежал, как конек-горбунок, к горящему фитилю. Я испугался и быстро ринулся за ним, хотя я видел, что фитиль почти догорел. Сзади что-то громко кричал Игорь. Наверное, он позабыл про съемку.

Я помню последние секунды перед взрывом. В моей памяти запечатлелось то, как кровь, смешанная с мокрой землей и шерстью, с сильным ударом прилетела мне в лицо. Рефлекс позволил мне закрыть глаза, но закрыться руками я уже не успел. Все постройки вокруг были в крови любопытного котенка. По земле были разбросаны его оторванные конечности.

Я остановился, ошарашенный, и повернулся в сторону видеокамеры. Игорь испугался моего окровавленного вида, что легко читалось по его лицу.

– Зачем ты меня позвал? Чтобы убить котенка и заснять это на пленку? Кому теперь нужно твоё видео? Чего ты молчишь? Отвечай! – плача и задыхаясь, кричал Игорь...

Я молчал. Что я мог ему ответить? Ведь знал, что он – ярый пацифист. Любое мое слово могло лишь усугубить ситуацию.

– Все! Я больше никогда с тобой не пойду!.. – продолжал он, что-то щелкая в настройках.

– Знаешь, он ничего не почувствовал, – наконец, сказал я.

– Ты дурак, Женек! Просто дурак... – успокоившись, сказал Игорь.

Я опять ничего не ответил.

– Я удалил твоё видео, – сказал Игорь, уходя.

Молчание зыграло во мне, но было крайне нервно. Я закопал останки Шаблика и стер разбрызганную кровь со стен наждаком.

Когда дома все заметили пропажу котенка, мы просто молча переглядывались с Игорем. Иногда правду лучше не знать. Нам бы все равно никто не поверил...

К концу третьего курса я умел рассчитывать экспериментально характеристики взрывчатых веществ. Для этой цели я купил осциллограф за очень большую по тем временам цену. Собрал его в цепь, согласно известному ГОСТу. При проверке посредством проведения серий взрывов веществ с известными характеристиками результаты совпадали с ранее полученными, так что можно было не бояться за правильность результата в дальнейшем. Вся проблема крылась в том, как делать образцы одинаковой плотности. Специальной установки – пресс-машины – у меня не было, поэтому приходилось выращивать монокристаллы. А это было долгим и кропотливым занятием.

Помню, какой головной болью я страдал, чтобы выдумать вещество с выдающимися характеристиками. Сначала придумывал структуру, затем проводил теоретический расчет характеристик на компьютере. И только затем задумывался над синтезом вещества.

Я перебрал несколько сотен разных структур, некоторые из них получал, но не удовлетворялся результатом. Это была работа на износ! По утрам, бывало, я находил запекшуюся кровь на подушке, вероятно, вытекшую у меня из носа...

Последняя зрелая мысль в моей голове на то время – это доработка. Доработка старого и потому уже известного. Я модифицировал перекись F.

Сама перекись F обладала выдающимися характеристиками – скоростью детонации до девяти километров в секунду при плотности $1,5 \text{ г/см}^3$. При этом она была устойчива ко всякого рода механическим воздействиям. И это заводило меня! Я верил в то, что, введя особый заместитель в молекулу, можно будет повысить плотность, сохранив скорость детонации, то есть увеличить мощность взрывчатки. При этом я надеялся также сохранить былую чувствительность к удару и трению.

И вот, когда я уже перебрал все варианты, которые используют при этом химики, мне попала в руки монография по галогенсодержащим перекисям. Это была восхитительная книга! Там рассказывалось о том, что в отличие от металла, введенного в молекулу, атом галогена не влияет кардинально на изменение скорости детонации. Мне как раз это было и нужно. Как самый тяжелый из нерадиоактивных галогенов, следовательно, дающий наибольший прирост к плотности, я выбрал йод.

Несколько атомов водорода в F я заместил на йод. Перекись из модифицированного F была не желтого, как перекись F, а белого цвета. К тому же взрывчатка имела аромат меда! При поджигании она чаще детонировала, чем сгорала с хлопком, как это наблюдалось в случае перекиси F. А бризантность была фантастической – навеска размером со спичечную головку при взрыве загибала чайную ложку на девяносто градусов! Все говорило о том, что это – кардинально новое решение. Это вещество с другим, мужским, характером!

Игорь в то время еще учился в школе, поэтому мы жили далеко друг от друга. Большую часть своих экспериментов я проводил дома. На этот раз я продумал весь синтез от и до. Игорь две недели по моим описаниям получал замещенный F. Когда я приехал, оставалось немного – всего лишь слить полученный реактив с кислотой, выдержать в течение получаса, затем прилить перекись водорода. Через сутки выделялся белый кристаллический осадок.

Я дал веществу аббревиатуру MDJ.

Должен сказать, что синтез его был совсем не безвреден. При добавлении перекиси водорода смесь становилась гомогенной, и из реакционной массы летел ужасно слезоточивый газ, после нахождения в зоне действия которого в течение десяти-пятнадцати минут, наступала сильная слабость и тошнота.

После высушивания осадка MDJ, я решил измерить его свойства ионизационным методом. Я вырастил монокристалл, его плотность оказалась около $2,35 \text{ г/см}^3$. При подрыве и последующем обсчете получил рекордную цифру – 9,5 километров в секунду! Это было одно

из самых мощных неядерных взрывчатых веществ, известное химии на сегодняшний день. К тому же, сверхнизкая чувствительность MDJ к удару и трению не согласовалась ни с какой теорией детонации. Я мог колотить по нему молотком целый день, не боясь даже за его частичное разложение! Такое свойство могла лишь объяснить трехмерная структура MDJ. Я утаил этот факт от научной общественности...

За его нескромную мощь мы прозвали MDJ Маленьким Джоном, как зовут самого сильного из персонажей сказа о Робине Гуде! Это действительно монстр взрывчатки, способный в количестве двух-трех граммов оторвать ладонь взрослому человеку! С лихвой!.. Поэтому, даже зная его бесчувственность по отношению к молотку или кирпичу, мы не шутили с ним. Вещество стали использовать в качестве детонатора. Он заводил все в минимальном количестве собственной навески. Чистая аммиачная селитра заводилась с полграмма MDJ!

Впоследствии и до сих пор мы с Игорем часто спорим, кто из нас является истинным изобретателем Джона. Я придумал его структуру и синтез, а получал по большей части его Игорь. Значит, я изобрел, а он получил.

Синтез йодзамещенного F удавался очень редко, поэтому я неделями не мог получить Джона даже в количестве ста граммов. Иногда просто приходилось сливать неудавшийся синтез в сточные воды.

Я стал экспериментировать со смесями на основе Джона. Тогда стал пробовать различные соотношения. Остановился на содержании тридцати процентов. Такие смеси моментально вспыхивали от открытого источника огня, в замкнутом объеме их горение легко переходило в детонацию, могли храниться несколько лет без изменения свойств.

До того, как найти оптимальное соотношение реагентов, я экспериментировал со смесями, состоящими из пяти-двадцати процентов Джона. Смеси были рассчитаны на чистое горение. Это означает, что при взрыве происходило полное окисление элементов составной взрывчатки. Наилучшим окислителем оказалась персоль. Или пероксобораты, но их было труднее достать. Другие окислители я тоже пробовал, но максимальную фугасность и бризантность проявляли составы на основе персоли. В качестве горючего могло быть любое вещество, способное гореть. Это были мука, цинковая пыль, алюминиевая пудра, халькопирит и др.

Самой непредсказуемой концентрацией оказалось содержание до пятнадцати процентов Джона в смеси. Такие смеси детонировали тогда, когда им вздумается. Они проявляли характер, и характер далеко не самый мягкий.

Последняя из опытных смесей состояла из мочевины, персоли, цинковой пыли и Джона. Джона было до пятнадцати процентов. Смесь слабо вспыхивала при поджигании – горел только Джон. При запрессовке в трубку и поджоге в толще заряда давала только местный шелчок. Даже детонатор не заводил ее или заводил с последующим затуханием детонации. Все говорило о том, что смесь мертвая. Но я сомневался.

Оставалось последнее средство, к которому я прибегал за редким исключением, – проба при обширном нагреве. Проводили мы это на костре. Образцами служила смесь, сильно запрессованная в картонный лакированный цилиндр, открытый с одной стороны. Такой способ был безопасен по сравнению, если использовать, например, металлическую трубку. При возникшей детонации было видно полноценный взрыв, а при простом термическом разложении из цилиндра шел столб огня или дыма, по которому можно было сделать вывод об абсолютной ничемности состава.

Подготовленный заряд составлял около трехсот граммов.

Так, в один из жарких дней лета, мы с Игорем и двоюродным братом Артемом пошли испытывать состав. Мы направились на реку. Нашли широкий пологий песчаный берег. Испу-пались сначала...

Я вставил в песок цилиндрический заряд открытым концом вертикально вверх. Разожгли небольшой костер вокруг заряда. Костер коптил, как кочегарка на морозе. Когда костер почти догорел, мы подошли к нему. Состав действительно казался мертвым.

Вдруг из трубки пошел небольшой дымок. Быстро вылетев, он прекратился. Спустя пять-шесть секунд, снова пошел, затем снова прекратился. Приблизительно через минуту из трубки начал вытягиваться длинный тонкий червяк густого белого дыма. Так продолжалось несколько минут без изменений. Мы подошли еще ближе, будучи уверенными в никчемности состава. Костер уже давно затух, а из трубки все еще выползал дымный червяк!

– Ну все, так и будет дымить, пока не затухнет! – сказал я.

– Пусть дымит. Весело же! – смеялся Артем.

– Давай я его по-пионерски затушу! – сказал Игорь.

– Туши, – равнодушно отрезал я.

Игорь подошел к заряду, стал развязывать шнуры на плавках. Но тут мы все на мгновение остановились: звук постепенно монотонно нарастал. Пузыри газа, вырывающегося из заряда, булькали через воду разлагающейся персоли с нарастающей частотой. Это было похоже на тихо разгоняющийся гоночный автомобиль вдалеке. Дым немного усилился, и я понял, что реакция переходит в автокаталитический режим. Звук становился все отчетливее и отчетливее. Интуиция что-то пыталась мне сказать.

– Бежим! – почти крича, скомандовал я.

Мы с Артемом успели отвернуться от заряда. Тут же за спиной раздался мощный взрыв. Нас окатило песком и сажей. Мелкие камни до крови ударили по ногам и спине. Нас откинуло взрывом в песок...

Когда я посмотрел в сторону Игоря, он лежал на песке и, держась за уши, громко стонал. Поначалу я подумал, что сделал что-то непоправимое.

Я подбежал к нему. Увидев меня, Игорь перевернулся на живот – он явно не хотел разговаривать с нами. Его забросало песком и сажей. В плечо врезался кусок картонного корпуса...

Немного полежав для вида, он вскочил и полез на меня драться с криками, что ничего не слышит...

Спустя некоторое время, мы сидели на берегу трое возле огромного кратера, образовавшегося при взрыве. Я кидал на дно воронки маленькие ракушки беззубок, выброшенные когда-то водой на берег. Мы молчали и провожали воду своими испуганными взглядами.

– А говорил, никчемный! – вдруг посмеялся Игорь.

– Мертвый! – поправил его я.

На теплое лето опустился недельный ковер дождей. Каждый день можно было наблюдать серое небо без единого намека на солнце. Но мне это совсем не нравилось, поскольку я работал с динамонами – взрывчатыми смесями на основе аммиачной селитры. Их приходилось сушить на старой электрической плитке не менее получаса, тогда как при жаркой солнечной погоде хватало и пяти минут.

Я попробовал глушить рыбу. Для этой цели динамон был великолепным решением: здесь нужна была большая фугасность и малая бризантность. После многократной удачной рыбалки меня подстерегал недельный отдых, с чем я, конечно, мириться не хотел, потому стал ходить на рыбалку в дождь. Занятие, приятное своей необыкновенностью!..

В один из таких дней тихий дождь затмил мои мысли. К тому же частота шума падающих капель фонтана, поднятого взрывом, называемого султаном, совпадает с частотой шума падающих капель дождя на поверхность воды, а раскаты грома могли скрыть звуки подводных и надводных взрывов. Мне всегда была необходима маскировка. И на этот раз особенно.

Было ветрено. Морщинистый лоб воды не давал понять, где глубоко, а где мелко. Небольшой омут мы выбрали наугад – возле корней раскидистой толстой ивы, растущей прямо из воды. Казалось, что ива буквально висела на берегу реки.

Заряд был на удивление небольшим – около ста граммов вместе с детонатором. Я не доверял корпусам из твердых и тяжелых материалов и предпочитал для динамонов двойной полиэтиленовый пакет. Второй пакет предназначался для страховки – в случае, если первый оказывался дырявым. Поскольку насыпная плотность динамонов меньше плотности воды, да к тому же между частицами состава находился воздух, то заряд всегда всплывал на поверхность. Приходилось привязывать утяжеление к бомбе или проводу, ведущему к ней.

Я привязал обломок красного кирпича к заряду и забросил бомбу под корни. У поверхности реки ива разделялась на четыре больших ответвления. Пока я распутывал провод и подключал его к подрывной машине, скотч, который держал кирпич и бомбу, отлепился, и бомба всплыла наверх. Она затаилась под самым тонким из стволов ивы, который как раз был напротив меня. Когда я уже подсоединял провода к клеммам, сказал Игорю, чтобы он отошел подальше. Игорь поспешно поднялся на холм у берега, который находился в метрах десяти от меня. Он обозревал всю картину происходящего. Не знаю, почему я тогда был так уверен в себе, что даже не отошел от берега и на пять метров?!

– Подрыв! – я замкнул цепь.

Вдруг я ощутил мощный толчок. Так близко, что мне показалось, будто взрыв прогремел у меня возле ног. По сути, небольшая разница – взрыв произошел в двух метрах от меня! На тело тут же кинулся с большой высоты фонтан воды. Я сразу промок до нитки. На тот короткий момент мне показалось даже, что видел, как передо мной рвется корень ивы и начинает движение в мою сторону... Мне чудом повезло, что корень полетел и ударился возле ног в землю. Возьми он немного повыше, меня бы уже не было!

В очередной раз Игорь называл меня «бесбашенным дураком». Но я уже привык...

Желание рыбачить исчезло само по себе, и за хвостами я уже, конечно, не полез. Да и всплыла одна мелочевка. Еще живые плотва и уклейки барахтались вдалеке, увлекаемые быстрым течением реки. Я отделался легким испугом. Мне повезло в очередной раз.

Недалеко от уже надоевшей нам сосновой посадки находилось озеро. К несчастью, оно не имело названия. Озеро, хотя и было большим, глубоким, но по занимаемому объему оно больше походило на пруд. Иногда мы так его и называли.

С этим местом связано много наших удачных и неудачных экспериментов. Самый неудачный произошел тогда, когда я работал с простенькими динамонами, о которых речь уже шла выше.

Мне так понравился вариант с сахарной пудрой, что в дальнейшем и не возникало соблазна отказаться от его использования. Сахарный динамон – так он назывался в простом народе! Готовился легко, заводился тоже, токсичных газов при взрыве образовывал крайне мало. Его фугасность как раз подходила для того, чтобы заглушить рыбу...

Один из буйных летних периодов подходил к концу. Не помню, какой это год был. Да это и не так уж важно! Важнее было то, как я просчитался!..

Так вот, все началось с Артема. Вернее, с его неистового желания заглушить рыбешку на самом заполненном в районе людьми озере!..

– Ну, давайте на пруду взорвем! – уже почти умолял он меня.

Я никак не соглашался. Возле стояли еще Игорь и Диман, которым было все равно куда идти на рыбалку, которая гарантировано принесет улов, – будь то на грязную сажелку, на чистый холодный ключ, на большую болотную речушку...

Мы уже твердо решили, где разместим еще одну точку на карте подрывов, как вдруг набежали тучи, и погода испортилась. Пошел рьяный дождь, который мог нарушить все наши планы. Пока ливень барабанил по шиферу, мы играли в карты и с надеждой посматривали в окна. Грохотал гром, хотя и не слишком сердито. Артем недовольно сидел в кресле и просто молчал.

Так прошло полчаса. Дождь не думал переставать.

– Вот и отлично! – вдруг вскочил с кресла Артем.

Мы удивились:

– Что такое?

– Как что? Разве не понимаете? – веселыми играющими глазами смотрел он на нас, полный задора и некой внутренней насмешливости.

– Не понимаем... – продолжали мы.

– Да дождь за окном! На пруду, сто процентов, никого не будет!

Через минуту я задумался:

– А ведь и вправду, никого!..

Все замолчали.

– Пошли! – скомандовал я, и все побросали свои карты.

Когда мы вышли на улицу, как обычно перед рыбалкой проверить заряд и примотать к нему провода, чтобы не тратить на это дело времени на природе, дождь мало-помалу начал стихать.

– Жень, надо поторопиться! – сказал мне Игорь.

– Да знаю я! – нервно ему ответил, перематывая нитью заряд.

Десять минут прошло, и дождь почти закончился. Идти до пруда было пятнадцать минут. Мы, не спеша, дошли до места. Там уже забились в самую гущу темнеющей зелени. С деревьев капали холодные большие капли воды. Мы посмотрели в обе стороны от себя – вроде никого!

Я быстро расстегиваю рюкзак, слышится писк его молнии, и бомба весом в восемьсот граммов, как шарик изобилия, вываливается из кармана. Белая смесь, похожая на муку, скачивается к ногам Игоря – тот резко отпрыгивает от нее, как черт от ладана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.